

**Джордано Бруно: преступник христианской морали,
или жертва информационной диверсии?**

Ефименко Е.В.

Джордано Бруно, родился в семье обнищавшего дворянина – Джованни Бруно. Произошло это в 1548 году, в городке у подножия Везувия – Ноле. При крещении получил имя Филиппо. Уже с детства проявлял интерес к познанию. В пятнадцать лет вступил в доминиканский орден «и стал насельником крупнейшего в Неаполе монастыря, где похоронен Фома Аквинский» [Йейтс Фрэнсис Амелия. Джордано Бруно и герметическая традиция. Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 175]. Несмотря на то, что формально Ноланец всю жизнь числился «доминиканцем», к собратьям своим относился он не слишком лояльно. Более того, Бруно открыто называл монахов «ослами», да «псами господними».

Впрочем, Джордано не долго пробыл в монастыре, ибо уже в 1576 году навлек на себя подозрение в ереси, и был вынужден бежать, самовольно сняв монашеское одеяние не слагая сана. Святая инквизиция обратила пристальное внимание на молодого монаха, в связи с его излишним усердием и интересом к науке, (разумеется, интерес и усердие вызывали книги, запрещенные церковью, что собственно не удивительно - «запретный плод сладок»).

Забегая вперед, надо сказать, что, представ перед судом инквизиции в будущем, Джордано припомнит еще о двух эпизодах своего преступления. Впрочем, как и все обвиняемые, по природе своей человеческой, он не будет вменять их себе в вину, а скажет лишь, что: «...дважды был предан суду в Неаполе, первый раз за то, что выбросил изображения и образа святых и оставил у себя только распятие, и за это был обвинен в презрении к образам святых, а второй раз – за то, что сказал одному послушнику, читавшему Историю семи радостей в стихах, - какую пользу ему может принести эта книга и пусть выбросит ее и займется лучше чтением какой-либо иной книги, например житий святых отцов...» [Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: Ист.-филос. очерки и портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 258].

Итак, вследствие своего «непотребного» поведения двадцативосьмилетний монах-отступник вынужден был бежать в Северную Италию, а затем в Швейцарию, Францию, Англию, Германию. Надо сказать, что время проведенное «в бегах» не назовешь временем лишений и скитаний, ибо именно в период своих путешествий по Европе Джордано Бруно «...общается с выдающимися гуманистами, преподает философию и пишет свои многочисленные труды...» [Григулевич И.Р. Инквизиция. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2002. С. 375]. В дальнейшем именно из них будут черпать обвинители доказательства в ереси и отступничестве.

«Еретичество» Джордано Бруно «пришло», как полагает известная английская исследовательница ренессансной культуры Фрэнсис А. Йейтс, из его увлечения трудами Гермеса Трисмегиста. Был этот самый Гермес очень известной личностью в Древнем Египте. Был он не просто мудрец, но маг величайший из великих. Его перу принадлежат тысячи книг, он знал все о строении мира, о магии и о чудесах всевозможных. Правда, все, что известно о нем было сказано им самим в его же книгах. Но это не мешало почитать Гермеса, и связывать его имя с алхимией, магическими образами, духами и талисманами. Да и как не преклоняться великому избранному, коли о происхождении своем, он говорит следующее: «(1)...Гермес понял истину о мире и записал ее для людей; записав же, скрыл в неизвестном месте, и его последователи Исида и Гор частью оставили эти записи для себя, а частью высекли их содержание на стелах; (2)...Гермес после смерти ушел на звезды и оставил своим приемникам в истинё Тата и Асклепия, своих учеников, которые, более того являются частыми участниками бесед с ним; (3)...он сам, Гермес, участвовал в создании человека, более того – играл в сотворении ключевую роль: он даровал человеку мудрость и религию и

он же ...подчинил человека року и определил для человека кругооборот рождений и смерти» [Высокий герметизм / Пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. С. 8-9]. Внушительно, не правда ли? Именно так думали о Гермесе во времена Бруно, (сам же Бруно проникнувшись, сей удивительной историей, возомнил себя миссией, но об этом мы скажем чуть позже).

Невдомек было средневековым (да и тем, что после них) авторам, что на самом деле Гермес – вовсе не Гермес. Вернее уж точно не один человек, а целый ряд личностей. И жили они очевидно не в «глубокой древности», а в начале нашей эры. А, следовательно, не предрекали христианство из далекого прошлого, но, может быть, лицеизрели его в своем настоящем.

Чудо произошло в конце XIX - первой половине XX века, исследования герметизма, предпринятые в этот период времени, вполне однозначно и убедительно привели к следующему выводу. «...Гермес Трисмегист фигура мифическая; трактаты, якобы принадлежащие ему, написаны разными людьми в первые века новой эры; содержание их представляет собой синтез египетских, греческих, иудейских и христианских идей, который произошел в начале нашей эры в сердце римского Египта – в Александрии: как результат, содержание герметической философии примыкает к гностическим учениям и являет собой словно бы лебединую песнь уходящего язычества, пронизанного уже монотеистическими мотивами; сама же фигура Гермеса представляет собой некий синтез греческого Гермеса, вестника богов, и египетского Тота, покровителя писцов» [Там же. С. 6].

Стало быть, очень ошибся Джордано Бруно, преклоняясь перед мудростью великого Гермеса. Еще бы! Отдать жизнь, поверив в учение мудреца древности, который не так уж древен, да еще и труды свои писал не один, а так, как нынче пишут детективы «в негласном соавторстве». Вряд ли Ноланец обрадовался бы, узнай он такое накануне казни. Но быть может это ошибка, и он вовсе не следовал заветам великого Гермеса, не интересовался его трудами и не считал египетскую идеологию истиной религией?

Увы. «...Свою египетскую идеологию Бруно открыто называет религией: это та благая религия, которую поглотила тьма, когда христиане ее истребили, запретили своими указами и заменили естественную египетскую религию с ее неоплатонической основой, и египетские добрые нравы культом мертвых вещей, глупыми обрядами, испорченной нравственностью и непрерывными войнами» [Йейтс Фрэнсис Амелия. Джордано Бруно и герметическая традиция. Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 196].

Вероятно, именно с оглядкой на добрые египетские нравы Ноланец и совершает свои первые еретические проступки, выбрасывая изображения и образы святых из собственной монашеской кельи? Так или иначе, но даже эти мелкие, казалось бы, преступления сыграют весьма неблагоприятную роль на серьезном судебном процессе.

Пожалуй, пришло время, перейти к трагическим страницам истории жизни в «судебной книге» Джордано Бруно.

Долгие годы Бруно скрывался от «вездесущих костров инквизиции», ведя при этом вполне светскую жизнь за пределами Италии. Там в Европе издавались все новые и новые его книги, там был известен он как замечательный оратор и великолепный учитель, обладающий необычайной эрудицией и феноменальной памятью. (Быть может, именно это умение – мгновенно запоминать и читать наизусть большие отрывки текста стоило ему жизни?)

Однако, не смотря на вполне «приятную» жизнь вдали от Италии, Ноланец все же рискнул вернуться. Версии о том, зачем он это сделал, весьма интересны. Об этом по прошествии стольких лет (да что там лет, веков) можно только гадать.

Версия первая. Джордано Бруно приехал в Италию исключительно по приглашению Джованни Мочениго, дабы научить последнего магическому искусству памяти. Причем

«магическая система памяти Бруно является памятью Мага – того, кто и постиг реальность за разнообразием явлений, уподобив свое воображение архетипическим образам, и с помощью этого постижения приобрел силу» [Там же. С. 181].

Стало быть, Джованни попросил Джордано посвятить его в дела магические? В этом случае не совсем понятно, почему же самого Мочениго не привлекли к ответственности. Так хорошо действовала «программа по защите свидетелей»? Или же стоит согласиться с идеей И.Р. Григулевича, с точки зрения которого «не исключено, что этот аристократ, выдавший Бруно год спустя инквизиции, с самого начала действовал как ее агент-provokator» [Григулевич И.Р. Инквизиция. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2002. С. 276]? А быть может, бедный Джованни просто не знал, что будет иметь дело с магией, но «блажен, кто верует» (а не знает), - вот его и отпустили?

Так, или иначе, придерживаясь этой версии, косвенно в гибели Бруно можно обвинить венецианского книготорговца – Джованни Батистто Чотто. Ведь именно в лавке этого купца купил Мочениго книгу Бруно, затем поинтересовался местонахождением автора, а после передал свое приглашение и просьбу научить искусству памяти.

Версия вторая. Бруно уже давно тосковал по родине, но приехать туда не мог: свирепствовала инквизиция. Путь в Рим и Неаполь «заказан». А вот Венеция пользовалась в то время «разнузданной свободой»: там продавали книги, изданные в протестантских государствах (среди них были и работы Бруно), туда съезжались художники, писатели, ученые. Кстати, вернись Бруно лет на пятнадцать позже, быть может, все вышло бы иначе ведь: «в 1606 году Франческо Донато, став дожем Венеции, не убоился открытого конфликта с папой, который наложил на республику интердикт» [Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: Ист.-филос. очерки и портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 266].

По данным этой версии, винить стоит самого Джордано и точка. Сам приехал, сам неверно рассчитал, да еще и влез со своей идеей реформирования католической церкви, будто мало ему прежних проступков. А ведь уже за побег из Рима, совершенный некогда «из-под носа» святой инквизиции Бруно должен был быть пойман и жестко наказан. Недаром: «...с точки зрения всех правил католического мира Бруно впал в тяжкий грех уже потому, что уклонился от наказания и по собственному признанию «покинул духовное звание». При этом он не был лишен сана церковью, но самовольно снял монашескую одежду» [Там же. С. 259].

Версия третья. «Брат Джордано» начитавшись трудов Трижды Великого Гермеса решил, что момент реформирования католической церкви настал и ринулся исполнять свою священную миссию, невзирая на возможные помехи со стороны инквизиции.

Поскольку он никогда не считал себя еретиком «...католическая вера «нравилась ему больше любой иной», хотя многое в ней было неправильно. Она нуждалась в реформе, и свою миссию Ноланец видел в том, чтобы этой реформе способствовать. Лучшим местом для начала реформы был сам Рим, где Бруно мог встретиться с папой» [Йейтс Фрэнсис Амелия. Джордано Бруно и герметическая традиция. Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 299]. Принимая во внимание эту возможную версию стоит отметить - косвенная вина возложена на тех, кто ввел в заблуждение Джордано относительно возраста Гермеса Трисмегиста (знай Бруно, кто стоит за этим «древнейшим магом» возможно, имел бы другие взгляды). Кстати, возраст Трижды Великого Гермеса оговаривали в своих произведениях Августин («А что касается философии, которая якобы учит чему-то такому, от чего люди делаются блаженными: то этого рода занятия процветали в странах тех около времен Меркурия, прозванного Трисмегистом, то есть гораздо раньше греческих мудрецов или философов, однако позже Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа, даже позже Моисея. Ибо оказывается, что в то время, когда родился Моисей, жил только известный великий астролог

Атлас, брат Прометея, дед по матери Меркурия-старшего, внуком которого был вышеупомянутый *Меркурий Трисмегист* (курсив наш Е.Е)». De ciu. Dei, XVIII, xxxix; перевод Дж. Хили. Цит. по Йейтс Фрэнсис Амелия. Джордано Бруно и герметическая традиция. Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 18) и Лактанций – по тем временам непререкаемые авторитеты. Стало быть, смерть Бруно – отчасти «их рук дело».

Ну что ж оставим прения относительно виновных и посмотрим, что говорил Ноланец на процессе, длившемся восемь долгих лет в застенках инквизиции Венеции и Рима.

Итак, прежде всего, нам предстоит узнать, что думал Джордано Бруно о магии, тайных и скрытых учениях, а также о своей собственной миссии в делах Великой Вселенной.

Как мы уже сказали ранее, Джордано был, одержим, одержим не яростью, не злостью, но жадой, великой жадой, сметающей все на своем пути, затмевающей здравый смысл лучами полуденного солнца, - великой жадой перемен.

«Приор монастыря кармелитов, где Бруно жил, бывая во Франкфурте, сказал Чотто, что Бруно все время писал, мечтал и пытал звезды о переменах;... и что Бруно говорил, что знает больше, чем апостолы, и сумел бы, если бы захотел, сделать так, чтобы во всем мире была одна религия...» [Йейтс Фрэнсис Амелия. Джордано Бруно и герметическая традиция. Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 300].

Очень похоже не просто на магические или научные изыскания, но на претензии к мировому господству. Откуда могли возникнуть такие мысли у «бывшего» монаха?

Перефразировав известное высказывание о солдате и генерале, позволим себе сказать: «плох тот монах, кто не желает стать папой», но вот попортить величие всего института папства, настаивать на том, что знаешь больше чем апостолы на это, простите, нужна очень веская причина. Быть может, Джордано просто хотел власти? Весьма сомнительно. Пожалуй, ему больше подходит стремление к самоотречению, к желанию спасти этот мир любой ценой, даже если речь идет о собственной жизни.

При рассмотрении содержания доносов Мочениго видно, как приходит Бруно к мысли о необходимости реформ. ««Он рассказал о своем намерении стать основателем новой секты под названием «новая философия». Он говорил, что дева не могла родить и что наша католическая вера преисполнена кощунства против величия божия; что надо прекратить богословские препирательства и отнять доходы у монахов, ибо они позорят мир; что все они - ослы; что все наши мнения являются учением ослов; что у нас нет доказательств, имеет ли наша вера заслуги перед богом; что для добродетельной жизни совершенно достаточно не делать другим то, чего не желаешь себе самому,... что он удивляется, как бог терпит столько ересей католиков...» [Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: Ист.-филос. очерки и портреты. М.: политиздат, 1991. С. 261].

Однако если мир достиг наибольшей испорченности, это с необходимостью означает - недалеко то время, когда состояние его станет неизмеримо лучше. Ибо, как говорят «самая темная ночь перед рассветом». Но вот как, с помощью чего наступит долгожданное благоденствие? Здесь возможны варианты. Либо люди сами придут к необходимости реформирования общественных взаимоотношений, перестанут вести войны и раздоры, вспомнят о простейших моральных общечеловеческих правилах; либо Бог обратит свой взор на грешную землю и сам приведет в порядок разнузданную Вселенную.

Об этом читаем мы в «Асклепии».

«...И поставят тогда тьму над светом, а смерть предпочтут жизни, и никто не поднимет свой взор небу. Человека благочестивого будут принимать за сумасшедшего, а нечестивого за мудреца; бешенного станут почитать за храброго, а наихудшего за наилучшего.

И над разговорами о душе и обо всем, что имеет к ней отношение, о ее бессмертии и стремлении к нему, как и обо всем том, о чем я с вами говорил, будут лишь смеяться и

видеть в этом лишь забаву и суету... Боги покинут людей, и останутся только злые демоны. Они смешаются со злосчастливым человечеством и наложат на него свою длань, толкая его на всяческие безрассудства – на войны, на грабежи, на обман и на прочие противоречащие сущности души деяния.... И тогда сама земля потеряет свою устойчивость, а море перестанут бороздить суда; нарушится упорядоченное движение звезд на небе... И когда произойдет все выше описанное, Асклепий, сам господин и отец – высший бог, установивший единство космоса, - увидев нравы и деяния людей, остановит это зло своим волнением и дарует торжество божественной благодати: дабы положить конец неведению и всеобщей порочности, он либо смоем зло потоком, либо спалит мир в огне, либо разрушит его смертоносными болезнями, которые распространяться во всех обителях нечестия. Он вернет землю к ее изначальному состоянию, так что космос вновь окажется достойным поклонения и восхищения; и бог, демиург и восстановитель космоса, вновь будет бесконечно прославляться человечеством за это благодеяние...» [Высокий герметизм / Пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. С. 233 – 235].

Будучи ярким приверженцем египетской магии, читал об этом и Джордано Бруно. А посему, поправ осторожность и страх, решил он приехать в Италию по приглашению упомянутого ранее Джованни Мочениго – главного свидетеля суда святой инквизиции, приехать, дабы спасти мир, выполнив великую миссию (в противном случае за обновление мира возьмется Господь и уж тогда горе всем живущим ныне).

Разумеется, привести «мир в порядок» поможет древняя египетская магия - великое оружие в руках посвященного. Она «подобна шпаге, опасной в руках преступника и полезной в руках человека, имеющего страх Божий и способного иметь суждение о допустимых и недопустимых последствиях: от каких начал они происходят и в какой форме осуществляются, в силу ли расположения светил и воздействия изображений и букв» [Йейтс Фрэнсис Амелия. Джордано Бруно и герметическая традиция. Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 310].

Джордано Бруно также утверждал, что «...все искусство магии состоит в том, чтобы уловить и направить истечения духа в материю. Самым важным методом так понятой магии будет изготовление талисманов, то есть нанесение образов светил на правильный материал, в правильное время, в правильное расположение души.... Улавливание духа в талисман – дело очень хитрое, и преуспеть в нем может только законченный философ» [Там же. С. 52].

Неужели дни Ноланца были закончены на костре исключительно из-за его увлечения магией? Восемь лет в заключении и жестокая казнь – вот цена за совет послушнику, удаление из кельи образов святых и, наконец, за изготовление талисманов? Нет! Джордано был не просто мистиком тихим и блаженным. Он был воином, и как бы крамольно это не звучало, он был воином-магом. Он хотел не просто «подправить» уже имеющуюся религиозную систему, но сломить ее, уничтожить. Такого вынести святая инквизиция попросту не могла.

Между тем, самого Бруно могли пощадить, лишив его возможности вести за собой других. Ноланец, раскаявшийся, публично признавший собственные еретические воззрения, несколько не пугал институт папства. Напротив, монах-отступник мог сыграть довольно положительную роль.

Дело в том, что время восьмилетнего заключения Бруно пришлось на период правления папы Климента VIII. Папа не пользовался особой популярностью, родственники его превратили «престол в кормушку» [Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: Ист.-филос. очерки и портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 275], а стало быть, возникла острая необходимость во все новых и новых «инвестиционных вложениях» верующих ради спасения души. Иными словами, в Риме с завидной регулярностью стали отмечать юбилеи.

Еще по постановлению папы Бонифация VIII, жившего тремя веками ранее, католическому миру надлежало пышно праздновать начало всякого нового столетия. Однако средств не хватало, и юбилеи, решено было устраивать, через каждые двадцать пять лет.

Именно на роковой для Бруно 1600 год пришлось очередное торжество. «...Климент VIII распорядился, чтобы в юбилейном году народ получил больше, чем обычно, «хлеба и зрелищ»». К несчастью многолетняя бесхозяйственность в совокупности со стихийными бедствиями вынудило папу тщательнее планировать «чудеса», дабы компенсировать очевидный недостаток «хлеба».

Поскольку к жестокости инквизиции народ успел пообвыкнуться, публичное сожжение еретика уже никого не изумляло, а подставные «святые» не производили должного впечатления. Ставки делались на гуманность, «вдруг» проявленную папой. Помиловать было решено известную фигуру, коей и выступил скандальный еретик - Джордано Бруно.

Бруно предъявили ультиматум. «...Если пожелает отречься и проявит готовность, то пусть будет допущен к покаянию с надлежащими наказаниями. Если же нет, пусть будет назначен сорокадневный срок для отречения, обычно предоставляемый нераскаянным и упорным еретикам. Да будет сие устроено по возможности наилучшим образом и как надлежит» [Григулевич И.Р. Инквизиция. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2002. С. 388].

Устроено сие было действительно неплохо. Беседа шла за беседой, уговоры за уговорами, но результата, так нужного папе все не было. Наконец, святая инквизиция назначила срок «последнего увещевания», были выбраны и увещеватели. В роли последних выступили далеко не безызвестные по тем временам люди – генерал и генеральный прокурор ордена доминиканцев.

Однако надежды на отречение не оправдались. Напрасно увещевали Ноланца. Допросы, пытки, угрозы не только не сломили дух Джордано, но напротив, еще более укрепили. Впрочем, это и не удивительно ведь «...В своем трактате «Печать печатей», он некогда писал: «Кого увлекает величие его дела, не чувствует ужаса смерти. Кого больше всего привлекает к себе любовь к божественной воле (которую они почитают наиболее твердой), не придет в смятение ни от каких угроз, ни от каких надвигающихся ужасов. Что касается меня, то я никогда не поверю, что может соединиться с божественным тот, кто боится телесных мук...» [Там же. С. 384].

Так день ото дня решимость и вера Ноланца крепла, а надежда на соединение с божественным все более росла.

После очередного и последнего отказа отречься от выдвинутых им идей, решено было Джордано от церкви отлучить, казнить, а труды его занести в Индекс запрещенных книг. Весьма цинично можно заметить, что судьба знаменитого Ноланца, в который раз доказывает, «кому суждено сгореть – тот не утонет». Ибо «В конце 1598 г. Рим постигло наводнение тюрьма инквизиции была затоплена, и Бруно чуть не погиб...» [Там же. С. 385]. Час его пробил, однако несколько позже - 17 февраля на Кампо ди Фьоре в Риме.

Надо сказать, что позиция церкви, относительно данного судебного разбирательства до последнего времени является вполне однозначной и непреклонной. Так, кардинал Меркати в 1942 году заявил: «Церковь могла, должна была вмешаться – и вмешалась: документы процесса свидетельствуют о его законности.... Если приходится констатировать осуждение, то основание его следует искать не в судьях, а в обвиняемом» [Горфункель А. Джордано Бруно перед судом инквизиции. Вопросы истории религии и атеизма. Т. 6. С. 356. Цит по: Григулевич И.Р. Инквизиция. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2002. С. 393]. Подобное мнение высказал в 1950 году и историк-иезуит Луиджи Чикуттини...